

Парфии не удались буржуазным ученым Кисслингу и Шуру. Настоящее построение истории Парфии необходимо начинать с выяснения особенностей ее общественного строя, который не мог не оказывать глубокого влияния и на внешнюю политику Парфии.

В связи с изучением внутренней истории Армении и Рима и их взаимоотношений возникает весьма важный вопрос о внутреннем смысле положения, достигнутого венчанием Тирidata в 66 г. При этом важно выяснить, как соглашение 66 г. укладывалось в государственное право Рима и Парфии и какое влияние оказало оно на дальнейшее развитие римско-парфянских отношений.

Изучение юго-восточной политики нероновского принципата ставит, наряду с принципиальным вопросом о соотношении торговли и политики в условиях древнего мира, также и целый ряд более специальных задач—исследование стран, которые обычно не затрагиваются историками и древнего, и эллинистического, и средневекового Востока. А между тем образование раннеарабских государств, внутреннее развитие Аксума и Мерсе и их взаимоотношения с начинающей затухать античной цивилизацией должны составить особую и важную главу в истории древнего мира. Сношения Рима с Индией проливают свет на международные отношения и связи между самыми отдаленными областями древнего мира.

Северо-восточная политика Нерона для советских историков представляет специальный интерес, поскольку она касается территории, входящей в состав нашей страны. Середина I в. характеризуется усиленным напором кочевников на северные пределы античного и иранского мира, которые прорывают всдвинутые против них укрепленные границы в разных местах от Мезии до Парфии. Для защиты от этой кочевой волны Рим стремится охватить кольцом своих владений все берега Эвксинского моря, желая предохранить выступающие к северу форпосты рабовладельческого мира от поглощения их варварской стихией. Таким образом, дальнейшая разработка истории восточной политики Римской империи при Нероне представляет значительный интерес для советской науки о древнем мире а для того прежде всего необходимо было подвергнуть критике концепции буржуазных ученых.

О. В. Кудрявцев

Некоторые проблемы истории скифской культуры

(О книге Б. Н. Гракова, Скифы, Киев, 1947)

Между появлением небольшой книжечки Р о с т о в ц е в а «Эллиństwo и иранство на юге России» (1918) и до выхода в свет рецензируемой—тоже весьма небольшой и предназначенной для самого широкого круга читателей—работы Б. Н. Гракова лежит промежуток времени, равный тридцатилетию.

За этот период на русском языке не появилось ни одной новой обобщающей работы по истории скифской культуры¹, тогда как археологический материал продолжал непрерывно пополняться. Не прекращались и исследования в области различных частных проблем скифской археологии и истории—попытки нового рассмотрения темных вопросов скифского этногенеза, социального устройства, географии, быта и т. п., предпринимавшиеся иногда виднейшими учеными, из которых достаточно назвать Н. Я. Марра и С. А. Жебелева.

С тем большим интересом и с тем более высокими требованиями встречаем мы появление новой и долгожданной работы обобщающего характера по истории скифов, хотя бы и написанной в сжатой и популярной форме. С особенными надеждами вправе мы обратиться именно к этой книге, автор которой сам не мало поспособствовал накоплению

¹ Не считая известной книги С. В. Г о т ь е «Очерки из истории материальной культуры Восточной Европы», 1925, имевшей значительно более широкие рамки.

новых археологических материалов и систематизации письменных памятников¹ в области истории скифской культуры и исследованию различных частных ее проблем.

Популярная форма изложения не должна повлиять на нашу оценку, тем более, что рецензируемая книга следует традиции лучших образцов популярно-научной литературы в том отношении, что ее общедоступность достигается за счет простоты изложения и отсутствия ученого аппарата, а отнюдь не за счет понижения ее научного уровня.

Книга распадается на восемь небольших глав, в которых последовательно трактуются вопросы скифской географии, этногенеза, общественного и хозяйственного строя, культуры и быта, искусства и религии. В заключение дано краткое послесловие, устанавливающее некоторые вехи, связующие скифскую культуру с культурой древнейших западных и южных славян. Касаясь этих еще малоисследованных, но чрезвычайно злободневных вопросов, автор как бы указывает направления и перспективы дальнейших исследований в области истории скифской культуры.

Наиболее подробно в книге трактуются вопросы хозяйственного развития Скифии и ее материального быта (главы 5 и 6, обнимающие более трети всего текста). В отношении земледельческого хозяйства приднепровских племен и скотоводства скифов степняков на основании археологических данных (в значительной степени добытых раскопками послереволюционных лет) вносятся некоторые поправки к Геродотовым сообщениям о хлебных злаках и домашних животных, известных в Скифии.

Опять-таки преимущественно по археологическим данным намечается, в связи с характеристической скифской торговлей, направление основных торговых путей, связывавших внутреннюю Скифию с берегами Черного моря и греческими торговыми центрами, равно как и с восточными областями (Приуральем), о чем в греческих источниках сохранились лишь одни смутные легенды. При этом определяются главные этапы истории скифской торговли, тяготевшей в архаическую эпоху к западным берегам Черного моря (Ольвия), а в эпоху эллинизма более тесно связанной с Крымом и торговыми центрами Северо-Кавказского побережья (стр. 41 сл.).

Описывая хозяйство, ремесло и материальный быт скифов, автор не скупится на чисто технологические детали, почерпнутые нередко из его же собственных археологических наблюдений; им характеризуются скифские поселения, жилища (иллюстрированные планами из давних раскопок в Крыму), обработка металла, керамики, кости, дерева и т. д.

Интересные сведения сообщаются о влиянии скифской материальной культуры и скифского искусства (звериного стиля) на культуру и искусство соседних, в особенности северо-восточных и западных, племен. Значение и сила этого влияния прослеживаются в книге, в частности, на предметах вооружения как в Европе, так и в Азии, начиная с VI ст. до н. э., демонстрирующих своими формами и своей выделкой воздействие передовой для тогдашних времен скифской оружейной техники (стр. 71 сл.). При этом звериный стиль скифского искусства связывается автором с кочевым бытом степных племен, в противоположность выраженным тенденциям к геометрическому искусству Гальштата у западных скифов-земледельцев (ст. 82).

В основу своего изложения Б. Н. Граков положил твердый историко-географический костяк, который делает предельно-ясной (при современном состоянии изучения Геродотовой географии) обычно довольно смутную и путаную картину отождествления древней и современной топонимики и расселения скифских племен. Этот отчетливый очерк скифской географии подкреплен и наглядно — иллюстрирован картой (стр. 8—9), на которой каждый интересующийся вопросами исторической географии Причерноморья отметит те сдвиги, какие произошли в изучении ее за последние десятилетия: тер-

¹ «Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии», ВДИ, №3 (1939), стр. 231 сл.; «Термин скифы и его производные в греческих надписях», КСИИМК, вып. XVI; «Имела ли Ольвия торговые сношения с Нововолжьем и Приуральем?» «Археология», 1946, Киев, т. I.

ритория Скифии довольно отчетливо отграничена от соседних (с севера и востока) не-скифских племен и культур; показана ее динамика в западном направлении— к югу от нижнего течения р. Днестра и Дуная; по-новому, на основании археологических данных, решены некоторые спорные вопросы геродотовой топографии, в частности локализация области Герра, отождествление р. Пантикапа (стр. 8) и т. д.

Некоторые из этих опорных географических пунктов остаются, впрочем, еще довольно шаткими; нельзя не усомниться, например, в правильности отождествления Аракса и Волги у Геродота. При таком допущении совершенно искажается географическая сторона рассказа о походе Кира на массагетов (Н е г., I, 201), где также фигурирует Аракс, отождествляющийся (на основании сопоставления с параллельной версией Страбо́на (XI, 8, 6) с Сыр-Дарьёй (Яксартом других древних авторов).

Следует иметь, кроме того, в виду, что некоторая смутность Геродотовой географии лежит, так сказать, в ее природе—коренится в том, что на вновь познанные территории переносится известная ранее и привычная номенклатура; этим и объясняется удвоение Гипаниса, Пантикапа, Герра и некоторых других рек, местностей и населенных пунктов на территории Скифии.

Другая причина смутности географии Геродота заключается в особенностях его этнографии. Увеличение количества данных, позволяющих контролировать свидетельства греческих писателей о причерноморских странах (такими данными являются преимущественно свидетельства древневосточных источников: ассирийские и урартские тексты) все более выясняет греческие топонимические и этнические наименования в Скифии, как адаптацию и этимологизацию местных варварских наименований. Это касается не только самих имен, но также и извлекаемых из них бытовых и социальных характеристик.

В результате такого рода этимологизации возникли, как это теперь ясно, такие наименования, как «скифы-пахари» (ἀροσθήρες) и «скифы-земледельцы» (γεωργοί) у Геродота, из сообщаемых урартскими надписями и локализуемых к северо-западу от Кавказа племенных наименований ariteri и guri (gurg)¹,—последнее имя звучит также в ургах Страбо́на (VII, 3, 17)—сопоставление, казавшееся еще чересчур смелым Ф. Брауну²; результатом подобных же комбинаций является разделение Геродотом гелонов и будинов, по его собственным словам (подтверждаемым другими свидетельствами,—например словами Эфора у Пс.-Скима, 860 сл.), именуемых у других греческих авторов одинаково гелонами, и перенесение некоторых бытовых черт, явно относящихся к гелонам (поедание семян сосновых шишек, предание о чем связано с их пребыванием на Кавказе. Пс.-Сул., § 80), на будинов; такого же рода перетолкованиями является и возникновение племени «вшедов» у Страбо́на (XI, 2, 19)³ и мифологический мотивированный у того же Страбона и у других авторов эллиниское происхождение племени генихов—наименование, перетолкованное греками из igani—имени, опять-таки подтвержденного ассирийскими данными⁴.

Эти и другие им подобные факты необходимо в дальнейшем иметь в виду при построении карты древней Скифии и при составлении очерка скифской этнографии.

Те же древневосточные источники дали толчок и для критического осмысления древнейшего периода истории скифской культуры: установления реального взаимоотношения между скифами и киммерийцами для локализации исторических киммерийцев и выяснения происхождения киммерийской легенды в греческой литературе. Главным образом совпадения имен скифских и киммерийских вождей (Бартатуга и Лугдамме—Протофий и Лигдамис) в ассирийских и греческих источниках убеждают в том, что све-

¹ П. Ушаков, ВДИ, 1946, № 2, стр. 42.

² Ф. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, 1899, стр. 93.

³ См. ВДИ, 1947, № 4, стр. 209, прим. 8.

⁴ Ушаков, *ibid.*, стр. 38.

дения о киммерийцах заимствованы были ионийскими греками отчасти из восточных данных и приумножены собственными, мифико-этнографическими и космографическими домыслами. Представление о киммерийцах у Геродота настолько же совмещается с представлением о древнейших скифах, как у Страбона—с представлением о трерах переселившихся в Малую Азию фракийцах, (см. Strabo, XIII, 4,8). Если исторические киммерийцы (гимирраи) засвидетельствованы документами эпохи Саргона и его ближайших преемников (VIII—VII ст. до н. э.) в области Северного Кавказа, то Геродотова география киммерийцев, занимавших, по его словам, территорию от Дона и до Днестра, принадлежавшую затем, по их изгнании, скифам, покоится на греческого происхождения «киммерийской» топонимике Крыма и Тамани, связанной с представлением о Киммерийском Боспоре как о крае света, пороге загробного царства, где жили известные уже Гомеру (Odys., XI, 12 сл.) киммерийцы—«керберийцы» (от Кербера) или хеймерийцы, т. е. северные, зимние жители—легендарное племя, подстать гиперборейам, феакицам и т. п.¹

Таким образом, те весьма любопытные образцы культуры эпохи, переходной от бронзы к железу, происходящие из области нижнего течения Днепра, которые представлены в рецензируемой книге в качестве образцов киммерийской культуры (стр. 18 и рис. 2 на стр. 19), могут быть названы таковыми лишь в кавычках и совершенно условно. Действительные следы киммерийской культуры, т. е. культуры тех племен, которые под именем гимирраев с конца VIII ст. до н. э. стали известны в Закавказье и далее на юго-запад, вплоть до эгейских берегов Малой Азии, следует искать на Кавказе и скорее всего в кругу так наз. кобанской культуры, судя по соответствующим находкам, в особенности из северо-восточной Анатолии (древней Каппадокии), свидетельствующим о пребывании киммерийцев в Малой Азии (клад кобанских вещей в Орду близ Синопы).

В таком же смысле может быть принята и известная попытка В. А. Городцова, впервые поставившего вопрос о киммерийской культуре и пытавшегося характеризовать ее определенным археологическим материалом, дополнением которого является и материал, привлекаемый Б. Н. Граковым².

Новейшие археологические открытия все более умножают материал, свидетельствующий о проникновении элементов скифской культуры на Северный Кавказ и о родстве культуры эпохи раннего железа в Причерноморских степях и на Северном Кавказе³. Эти данные позволяют поставить вопрос о взаимоотношении скифской и киммерийской культур в чисто археологическом аспекте.

Знакома читателя с образцами «киммерийской» культуры как предшественницы культуры скифской, Б. Н. Граков указывает тем самым на глубокие местные корни этой последней (стр. 18 и 20), что свидетельствует о значительном сдвиге, происшедшем в области изучения истории скифской культуры за последние десятилетия. Если М. И. Ростовцеву скифская культура представлялась лишь сочетанием греческих и иранских элементов, то для советского историка скифская культура является плодом внутреннего развития, а не механическим результатом миграции этнических и культурных факторов. Наличие влияния культуры древнего Ирана или, вернее, быть может, того общего центральноазиатского очага, из которого свежие этнические группы проникали в области Передней Азии и причерноморских степей, отрицать было бы невозможно, также как и влияние на ранних скифов урартской, а позднее греческой культуры. Хотелось бы только отметить, что многие из тех «иранизмов» скифской культуры, на которые так любит указывать Ростовцев и некоторые его предшественники, являют-

¹ См. E. Berger, *Mythische Kosmographie d. Griechen*, 1904, стр. 10.

² В. А. Г о р о д ц о в, К вопросу о киммерийской культуре, «Труды секции археологии», РАНИОН, II, стр. 46 сл.

³ См. А. И е с с е н и Б. П и о т р о в с к и й, Моздокский могильник, Л., 1940.

ся лишь результатом того, что как Геродот, так и другие, от него независимые ионийские писатели о скифах, смотрят на причерноморскую культуру через персидские очки, обнаруживая этим источники своей информации.

Достаточно будет указать на то, что первая из символических легенд о происхождении скифов (Н е г., IV, 5), несомненно, дошла до Геродота в иранской интерпретации с ее иранизированными именами и соответствующей символикой социальных отношений, которую сторонники исконной общности социальной структуры арийских народов используют для доказательства своего тезиса¹.

Не менее ярко персидские источники Геродота обнаруживают себя и в именах и характеристике скифских божеств (Н е г., IV, 59). Такие божества, как Аполлон-Гетосирис, Афродита-Аргимпаса и Зевс-Папай (или Папис), засвидетельствованы эпиграфически как переднеазиатские, а для последнего из них имеются на малоазийской почве и весьма любопытные изображения².

Все эти факты также необходимо строго учитывать при использовании Геродотовых данных, свидетельствующих об «иризмах» в культуре и языке скифов.

Существенно и ново то, что сказано в книге Б. Н. Гракова в отношении государства и социальных отношений у скифов (стр. 28 сл.). В прежнее время вопросы эти или не ставились вовсе, или их постановку нельзя считать научной. Лишь за последнее время появилось несколько работ, посвященных проблеме социальных отношений у скифов³. Примыкая к ним, Б. Н. Граков резонно указывает на элементы государственности в скифском обществе, возникновение которых связано с выделением класса рабовладельцев, богатевших на торговле хлебом, работорговле и эксплуатации рабского труда.

При всей несомненности отмеченных выше явлений, характеризующих «скифскую стадию» истории причерноморских степей, нельзя не предостеречь от некоторого преувеличения роли рабства и рабовладельческих отношений в Скифии, от буквального и некритического понимания данных Геродота и некоторых других авторов, чьи сообщения касаются социальных отношений у скифов (в особенности Полиена).

Рабство у скифов имело в достаточной степени патриархальный характер. Рабами по словам Геродота (подтверждаемым сообщением Полиена, восходящим, быть может к Дурису Самосскому), царские, или как, он выражается в другом месте, «свободные» скифы считали скифов других родственных им племен, находившихся в даннических отношениях к первым. Перенос на Скифию представления, характерные для развития греческих полисов, Геродот все же отмечает тот факт, что рабовладельческие отношения Скифии напоминают более всего положение зависимого земледельческого и пастушеского населения на о. Крите, в Фессалии и т. п. (Н е г., IV, 72).

Рассказ Геродота об ослеплении скифами своих рабов отнюдь не опровергает этого факта, а, наоборот, его подтверждает, ибо этот исторический анекдот выясняется как очередная попытка этимологизации скифских племенных наименований. В схолиях к Аристофану (Equit., 963) Геродотовы *τυφλοί* отождествляются с *μολοί*, т. е., очевидно, с *Ἰππυμολοί* Гомера, а рассказ о прорытии оборонительного рва от Черного моря до Меотиды потомками этих «слепых» заставляет сопоставить их имя также и с *τάφροι* Страбона (VII, 3, 19) и других авторов, племенем, живущим у Перекопского перешейка и Сиваша, идентичного, может быть, как мы попытались показать в другом месте, эпиграфически засвидетельствованному сатерхеям.

Подтверждается сказанное нами (а отнюдь не опровергается) и наличием в богатых скифских курганах ритуальных захоронений рабов. Обычай этот и на классической

¹ См. G. Dumézil, Jupiter, Mars, Quirinus, P., 1941, стр. 110 сл.

² См. Monumenta Asiae Minoris Antiqua, т. VI, табл. 22.

³ Семенов-Зусер, Родовая организация у скифов Геродота, Л., 1923; А. П. Смирнов, Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, М., 1935.

почве рабовладельческой античности — в Италии характерен именно для эпохи патриархального рабства и документируется ритуальными захоронениями рабов в могильнике древней Болоньи периода культуры Вилланова, тогда как в более позднее время, в эпоху развитого рабовладения, подобные примеры напрасно было бы искать в Италии или в Греции.

Однако процесс образования скифского государства продвинулся достаточно далеко. Об этом свидетельствует, помимо наличия династической преемственности царских имен (отмечаемой уже с VII в. до н. э.), также и значительная военная мощь некоторых скифских царей (в особенности Атея в IV ст. до н. э.) и та зависимость, в которую попадали по отношению к скифам жители Херсонеса и ольвийские греки, чеканившие свою монету с именами скифских царей Приднепровья и Крыма (III—II вв. до н. э.). Об этом же свидетельствует и наличие в скифском обществе значительного жречества, оформившегося как определенная общественная категория.

Если Б. Н. Граков в главе, посвященной скифской религии, (стр.85 сл.), упоминает о жрецах-гадателях, предполагая, что прочие жреческие функции выполняли цари, то он забывает при этом, что энареи, в которых нельзя не видеть жрецов весьма популярного женского божества, имели далеко не одни лишь прорицательские функции; в облике этого божества под иранскими или греческими эпитетами проглядывает широко известный образ Великой Матери (малоазиатской Кибелы), храм которой (быть может, тождественный Метрополю Птолемея (III, 5, 14) Геродот указывает на Гипполаевом мысу (IV, § 3)¹. К числу ее культовых легенд относится, вероятно, зерно Геродотова рассказа об оскорблении скифами аскалонского храма Афродиты Урании, так же как и зерно легенды об Анахарсисе. Это особенно ярко выясняется из «Увещательной речи» Климента Александрийского (Protrept., II, § 24), где Анахарсис прямо называется служителем кизикенской Матери богов, учителем «женской болезни» (т. е. эварейства) Для прочих скифов, а в мотиве убийства его собственным братом он сравнивается с повешенным за шею «менагиртом» (т. е. служителем соляного бога Мена, небезызвестного в Причерноморье и являвшегося паредром Великой Матери). Так в самом мотиве убийства Анахарсиса, столь трагически представленного у Геродота, лежит, быть может, не что иное, как культовый акт убийства жреца, порядка тех ритуальных убийств² царя-жреца, которые известны в культах умирающих и воскресающих божеств, распространенных широко в пределах Средиземноморья (ср. также рассказ о казни осужденных на смерть жрецов-гадателей, Herod., IV, 68 сл.).

Косвенным образом о силе скифского жречества свидетельствует указание Лукиана в его «Скифе» (§ 1) на то, что к числу скифской знати относились, помимо людей, принадлежащих к царскому роду, также и «пилофоры» — представители категории людей, носящих пилос — священный остроконечный головной убор, связанный с культом Великой Матери и мужских божеств ее круга.

Для социальной характеристики эвареев Геродота, как жречества, не безынтересно то обстоятельство, что наименование их в основе своей является племенным наименованием. Эвареев, под именем санареев указывает на Северном Кавказе П т о л е м е й «За Албанией», V, 8, 25) и он же под именем анареев называет их в числе племен центрально-азиатской Скифии (VI, 10, 14). Поскольку уже и ранее подмечалось, что многие племенные наименования, локализованные Птолемеем за Волгой, в действительности относятся к Кавказу³, мы можем считать идентичными кавказских санареев с заалтайскими (intra Imaum, по Плинию) анареями, имя которых сопоставляется фонетически и географически с анариаками Страбона (XI, 7, 1), известными близ Каспийского моря. К тому же скифы санареи (анареи) не единичны на Северном Кавказе. Археологические свидетельства, устанавливающие наличие скифской культуры на Кавказе с глубокой древности, подтверждаются восходящими к периплам эллинистической эпохи

¹ Ср. Ф. Браун, *ibid.*, стр. 211 сл.

² А. Müllenhoff, *Deutsche Altertumskunde*, t. III (1892), стр. 97 сл.

сведениями Птолемея о р. Герр и о племени Герры у западных берегов Каспийского моря (V, 8, 17—25 и V, 91, 2). Несомненно, что эти Птолемеевы наименования имеют прямое отношение к реке и области Герр у Геродота (IV, 19 сл., 47, 53, 71), локализацию которых до сих пор нельзя считать вполне установленной. Реку Герр, однако, Геродот связывает с областью царских скифов, так же как и одноименную местность, в которой находился царский некрополь. Поэтому вряд ли мы ошибемся, если предположим, что племенное наименование герры покрывается Геродотовым наименованием «царские скифы», а распространение этого имени в качестве наименования реки и местности позволяет судить о географическом диапазоне распространения или перемещения его носителей (герров).

В главе о религии содержатся новые и интересные соображения, истолковывающие с точки зрения проявления примитивной магии (стр. 87 сл.) не только скифский культ меча, но также и самый звериный стиль скифского искусства, в его функционально-культовом значении.

Совершенно несомненно, что в скифской религии были очень сильны пережитки примитивных религиозных представлений и культовых действий.

Божества, известные нам под именем скифских не что иное, как эллинизированные и иранизированные интерпретации действительно скифских богов. В этом отношении очень поучительны скептические слова Оригена (с. Cels., VI, 39), выражающие сомнение во внутреннем соответствии религиозных представлений, скрывающихся за «скифскими» именами божеств, соответствующим греческим именам, приводимыми Геродотом. Весьма вероятно, что за этими именами стоят родовые и племенные прародители — боги, отзвуки имен которых звучат также в эпитетах Артемиды Таврополы, Афродиты Апатуры, равно как и иранизированной Аргимпасы; скифский Посейдон был, вероятно столь же далек от эллинского, как и тот скифский бог Танаис, о котором, связывая его с иранизированным женским божеством Фарсирис, упоминает Ямвлих в «Драматике» (§ 9).

Вопросы скифской религии и духовной культуры вообще являются, как это легко понять, наиболее трудными и запутанными в кругу проблем истории скифской культуры.

Мы коснулись по необходимости лишь некоторых тем из затронутых в книге Б. Н. Гракова, останавливающейся достаточно подробно и на материальной культуре скифов (при этом освещается малоизученная проблема скифских поселений эпохи существования скифского государства в низовьях Днепра и в Крыму — стр. 54 сл.); достаточное внимание уделено в ней также художественному ремеслу и искусству (стр. 76 сл.). Отмеченные выше достоинства позволяют нам поздравить советского читателя с приобретением полезной и интересной книги об одной из плодотворнейших в культурном отношении эпох древней истории нашей родины и выразить надежду на то, что книга эта, желательно в расширенном виде и с необходимой научной аргументацией, которая делает ее еще более полезной для специалиста, появится в ближайшее время также и на русском языке.

Русский читатель, в особенности читатель-историк, давно уже вправе требовать новых обобщающих работ по истории скифской культуры, которые бы подытожили большую исследовательскую работу, проделанную в этой области за три истекшие десятилетия.

Л. А. Ельницкий